

Д-р. СВЕТЛАНА МОРОЗОВА

Гродно

СОПРОТИВЛЕНИЕ ДЕУНИЗАЦИИ В БЕЛАРУСИ В 1834–1838 годах

Стремление к синтезу ценностей восточного и западного христианства – предопределенная географически и исторически особенность Беларуси. Экуменический и геополитический факторы обусловили живучесть здесь с XV в. униатской идеи. Поиски своего места в европейских религиозно-политических процессах привели наших предков во второй половине XVI в. к заключению Брестской церковной унии. Это была попытка преодоления на региональном уровне раскола христианства.

Брестская уния 1596 г. стала переломным событием восточнославянской конфессиональной истории, оказала существенное влияние на геочивилизационную ситуацию в Восточной Европе. Униатское вероисповедание, как религиозная альтернатива православию и католицизму, за время своего существования существенно потеснило позиции этих традиционных религий. К концу XVIII в. оно стало конфессиональной доминантой, охватив до $\frac{3}{4}$ населения Беларуси. Униатская церковь сама превратилась в традиционный культовый институт. Ее деятельность составила целую эпоху в церковной и национальной жизни Беларуси, сформировала целый пласт отечественной культуры.

Для российских политиков униатская церковь, которая соединила миллионы душ с Римом и западной культурой, была с самого начала делом немилым и даже ненавистным. Со времени войны 1654–1667 г. царское правительство демонстрировало относительно ее свои враждебные намерения. Свою ненависть к униатам особенно дал почувствовать Петр I во время Северной войны. Официальная Россия видела в них отщепенцев от единственно правдивой веры, какой считалось православие и к которой они должны быть приведены, пусть себе даже с помощью силы.

С включением в конце XVIII в. Беларуси в состав Российской империи судьба униатства была predetermined. Религиозная конверсия в отношении новых субъектов империи – традиционное направление политики царизма. Да и моголевский епископ Георгий Конисский настаивал на включение в трактаты о разделах Речи Посполитой статью о ликвидации униатской церкви.

Первые годы после инкорпорации Беларуси российское правительство опасалось открытого принуждения относительно униатов. Хотел вызвать лояльность у новых подданных. Но чем далее, тем более явными становились его намерения.

Униатская церковь оказалась в империи одной из тех сил, которые мешали самодержавно-синодальному режиму в осуществлении его унификационно-нивелиционной политики в так называемом Западном крае. Сохранение церкви, которая не клонилась к престолу, власти связывали с опасностью сепаратизма. Духовное подчинение Беларуси рассматривалось как средство и необходимое условие российского господства здесь. Кроме того, значительная независимость униатской церкви от государства могла стать источником негативной реакции в лоне Русской православной церкви, издавна подчиненной Синоду, который был частью государственного аппарата, возглавляемого императором. Поэтому ограничение влияния униатской церкви, которая совместила элементы восточного и западного христианства, с целью ее ликвидации в перспективе стало конфессиональной стратегией самодержавия на многие последующие десятилетия. В этой стратегической программе была взята тактика «борьбы с латинством и полонизмом».

С 1780 г. Беларусь стала объектом большого эксперимента по перекройке ее конфессиональной карты во имя политических и национальных традиций царизма, во имя «строительства великой России» и укрепления ее позиций в Европе. В 1794–1795 г. наступление царизма на униатскую церковь приобрело такие угрожающие формы, что, казалось, ей пришел конец. Но Екатерине II не удалось пошатнуть конфессиональную структуру Беларуси в пользу православия, а 90% «воссоединенных» униатов возвратились при Павле I в свою веру. В первой четверти XIX в. наступает стабилизация униатской церкви, хотя в правительственных сферах ее терпели как зло, которое только можно до поры, до времени терпеть.

Усиливать административное соединение подданных империи соединением в сфере языка и религии вновь начал Николай I. Во второй

половине 20-х г. в петербургских кругах возникает намерение «укрепления русской народности и православной веры» за счет униатов. Наступление на их церковь, которая была крепким звеном, связывавшим Беларусь с западной цивилизацией, возобновляется. Свои действия прикрывали сентенциями про «нераздельность русского народа», которой будто бы угрожает «латинизированное» и «ополяченное» униатство.

С 1833 г., используя свое право победителя, власти стали на путь административно-силового решения проблемы, спровоцированного активной помощью униатского духовенства повстанцам 1830–1831 г. Церковь признали врагом российских интересов в Беларуси и единственный выход увидели в ее ликвидации. Наступило, говоря словами А.И.Герцена, то «душеспасительное время, когда Николай I с благочестивым свирепством всекал униат в православие»¹.

В ход были пущены сразу 2 системы деунизации. Первая, с учетом неудалого опыта Екатерины II, прямолинейному, через декретирование сверху, одноразовому внезапному обращению униатов отдала преимущество «тихим», воплощенным в каноническую форму греко-восточной церкви методам «воссоединения». Эта система предусматривала постепенную, рассчитанную на несколько лет, подготовку всей массы униатского народа к перемене веры и при этом самим же униатским духовенством.

Другая система заключалась в обращении в православие отдельных униатов православным духовенством при содействии гражданских чиновников и полиции. Один из наиболее рьяных сторонников и проводников этой системы полоцкий православный епископ Смарагд считал бесполезным ожидание общей готовности всей массы униатов к принятию православия и занимался так называемыми «частными обращениями» отдельных лиц, групп людей, деревень, приходов, без указания сверху. Путем «частных обращений» Смарагд с помощью белорусского генерал-губернатора Хованского и витебского губернатора Шредера на протяжении 1833–1835 г. воссоединил на востоке Беларуси более 100 тысяч униатов.

Подавление униатской традиции ввергло белорусское общество в шоковое состояние, обернулось личными и социально-общественными трагедиями, взбудоражило народ. Он недоумевал, почему то, что еще

---

¹ А.И. Герцен, *Секущее православие, А.И.Герцен об атеизме, религии и церкви*, под ред. А.Ф.Смирнова, Москва, 1976, с. 176–177.

вчера почиталось, считалось святым, угодным Богу, сегодня уничтожается и запрещается. Но даже «простолюдин» понял, что «ломают веру». Шляхта воспринимала николаевский курс на уничтожение униатской церкви как мщение царя за недавний бунт.

За два с половиной столетия народ успел привязаться к вере, которая во многом соответствовала его национально-культурным запросам и социальному статусу. Выработанные ей взгляды, обычаи, наклонности в церковно-религиозной жизни и в культурно-бытовой сфере вошли в сознание многих поколений, стали их потребностью.

«Воссоединение» изменило не только религию. Оно нарушило размеренный ход крестьянской жизни: повлекла за собой отмену праздников, обрядов, традиций, его языка в храме, отразилось на церковном праве. Так долго воспитанный под влиянием униатства, он не мог вдруг бросить прежние симпатии, изменить привычки и быстро привыкнуть к тем ценностям, которые ему навязывались.

Уния в это время держалась на авторитете духовенства и народном традиционализме. Особенно нелегко было преодолеть этот церковно-исторический рубеж старшему поколению и тем верующим, которые считали униатство своей религией и видели потребности ее менять. Сломать эту огромную культурную силу и религиозную традицию, пронизавшую многие сферы людской жизни, было нелегко – не тяжелее ли, чем задушить восстание. Поэтому на их уничтожение было направлена вся система царской власти: Сенат, Синод, министерство внутренних дел, местная администрация, суд, полиция, иногда в ход шло войско.

Ответом за «частные обращения» стало широкое антивоссоединительное движение.

Власти встретились с большими трудностями, вызванными проявлениями религиозного патриотизма. В экстремальной ситуации многолетней необъявленной войны против веры, единственным преступлением которой было то, что она расходилась с казенным православием, униатское сообщество (крестьянство, духовенство, шляхта) консолидируется, мобилизует силы самосохранения. Наиболее последовательными борцами за унию были рядовые приходские священники, а также монахи-базилиане. Духовенство, более образованное, преданное своему делу, возглавляло крестьянские массы.

Волну «частных обращений» сдерживали безместные священники. Лишенные должностей и приходов, вместе с которыми они не согласи-

лись изменить веру, они, тем не менее, в большинстве своем остались на прежних местах жительства. Уважаемые крестьянами, они пользовались влиянием в окрестных деревнях. Их рассказы о том, как иноверцы отбирают униатские храмы, из них «выбрасывают иконы, а ставят своих Богов», производили сильное впечатление на простой народ. Смрагду казалось, что эти священники остаются в приходах «единственно для возбуждения новоприсоединенных»². Будучи же изгнанными из приходов, оппозиционные священники ходили по деревням, неся людям свою обиду и возмущение, и призывали крепко стоять за унию.

В марте 1834 г. о своем намерении остаться униатами заявили местным властям 66 крестьян деревни Шипов Сенненского уезда Могилевской губернии. Они единодушно отказались, «хоть бы это стоило им жизни», от принятой за четыре месяца до того по настоянию своего помещика господствующей веры. Их наставляли на разум помещик, гражданское начальство, приходской священник. Все было напрасно. Тогда делом шиповских крестьян занялся земский суд.

Кто-то стоит за их упорством – решили в суде. Начались поиски зачинщиков, чтобы с ними «поступить по всей строгости». Подозрение пало на униатского священника Фаддея Носовича из соседней деревни Утрилово. К нему сельчане стали обращаться после передачи их церкви в православное ведомство. Следственная комиссия потребовала от него письменное обязательство о непринятии крестьян из Шипова. Но поскольку взятого обязательства он не придерживался, было решено заменить его «благонадежным священником».

Предпринятые меры дали результат. В мае 1835 г. жители Шипова «вновь присоединились к греко-российской церкви и высказали желание непоколебимо удерживать православную веру до конца жизни». Следствие прекратили.

Однако в августе выяснилось, что шестеро крестьян, несмотря на сильные домогательства бросить униатскую веру, «следуя примеру своих предков, которые были униатами, изменить ей не согласились». За этим вновь увидели влияние Носовича³.

Во второй половине 1834 г. развернулась борьба за души и умы пяти тысяч казенных крестьян соседнего с Полоцком униатского погоста

² Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург, ф. 797, оп. 4, д. 14074, л. 2–4.

³ Национальный исторический архив Беларуси, г. Минск, ф. 1297, оп. 1, д. 8513, л. 2–2 об., 4 об.–5, 8–9, 13 об.–14, 15, 18–19.

Юровичи (имение Спас), а также за упорных «в своей униатской твердости» жителей ближайших имений Полоцкого уезда Витебской губернии: Струнь (владение полоцкого униатского архиепископа), Сосница, Ситно, Стайки, Чемес, Оболь и др. Борьбу за них повели проводник правительственной политики смоленский, витебский и могилевский генерал-губернатор Хованский и подчиненные ему службы, военно-уездный начальник подполковник Агатонов, который представлял корпус жандармов, и полоцкий епископ Смарагд. Эта могучая сила стояла за юровичским священником Кнышевским, в лице которого Смарагд «среди униатского духовенства ... первого нашел такого, который едино по убеждению совести склонен к нашему православию».

Этой силе противостояли Полоцкая греко-униатская консистория, которая безрезультатно путалась удалить из Юрович этого ренегата среди приходских священников, писарь имения Спас и заседатель полоцкого земского суда Рудковский, местная шляхта, а также прежний настоятель юровичского прихода С.Злотковский. Удаленный из Юрович, Злотковский разъезжал по деревням и «подстрекал крестьян к волнениям», «соблазнял новоправославных назад в унию», более того – пожаловался на преследование министру внутренних дел. Опального священника поддерживали консистория, друзья, родственники.

Местные духовные и светские власти основательно взялись за Юровичи – вырисовывалась перспектива победоносным рапортом в Петербург обратить на себя внимание правительства, а к тому же «увести» крестьян из владения самого униатского архиепископа. Да и юровичское дело приобрело уже достаточную гласность. Его нужно было ускорить, ибо «неблагонадежные» люди могли «ослабить» желание крестьян принять православие, а то и совсем от него отклонить.

Удалили Злотковского. Писаря Рудковского сначала намеревались на время обращения юровичских крестьян занять каким-либо выездным поручением, но затем признали за лучшее заменить его более «благонамеренной личностью». С конца августа в погост зачастили миссии и комиссии, одна важнее за другую. Крестьяне стали объектом усиленной обработки: их призывали вернуться к вере предков, «стать одноверцами со своим государем», объясняли «ошибки унии». 1300 крестьян после этих уговоров согласилось поменять веру. Но точка на унию в Юровичах еще далеко не была поставлена. Соседние приходы с их «унитской твердостью» и каплицы «мешали» утверждению крестьян в новой вере. Тогда началась передача каплиц в православное ве-

домство. Теперь пришла пора возмущаться местным помещикам. Они заявили, что каплицы строили в имениях за собственный счет и считают их своей собственностью. Сопротивление панства ломали судом⁴.

Оправославливание униатов занимало тогдашнюю общественную мысль, волновало умы не только духовной, но и светской интеллигенции. Группа интеллигенции города Лепеля (Витебская губерния) спасала унию своими способами, создавая негативное общественное мнение вокруг ее «ликвидаторов». Своей радикальностью выделился секретарь уездного суда Плисовский. Он призывал духовенство участвовать в волнениях обращенных крестьян, обещая за это благодарность шляхты. Тем же, кто от унии отступил, угрожал карой Божьей и людской.

В августе 1834 г. при активном содействии местного городничего жителей Лепеля обратили в православие. Спустя 2 дня, в ночь с 24 на 25 августа, по городу были разбросаны листовки. Они призывали хранить верность унии и угрожали виселицей местным воссоединителям. «Не мешайся, городничий, а то повесим тебя, попа, Дъяков и всех негодников за веру», – говорилось в рукописных листках.

Началось следствие. Подозревали, что идейным вдохновителем этой акции протеста был Плисовский, а листовки писал 19-летний шляхтич Николай Сипко, который вместе со своим братом Иосифом и другом Людвигом Барцевичем их распространил. За ними установили секретный полицейский надзор⁵.

На востоке Беларуси, как свидетельствует исследователь последнего этапа ликвидации униатской церкви в Беларуси Г.Шавельский, не было ни одного прихода, где бы обращение униатов происходило мирным образом, безо всяческих протестов со стороны духовенства и больших или меньших волнений прихожан. В 1835 г. в 11 из 50 приходов Полоцкого, Городецкого, Лепельского, Невельского и Себежского поветов были сильные волнения⁶. Такой оборот дела напугал правительство и оно быстро заменило Смарагда более умеренным Исидором. Да и сам Смарагд наконец понял, что главным условием вытеснения унии может стать только смена поколений⁷.

⁴ Национальный исторический архив Беларуси, г. Минск, ф. 1297, оп. 1, д. 8509, л. 1–2, 17–18, 26–28 об., 31, 36, 39, 49–50, 60, 71 об., 92 об.–93, 98, 117.

⁵ Там же, д. 7814, л. 17 об., 332, 340 об.–341, 380.

⁶ Г.Шавельский, Последнее возсоединение с православною церковию унатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.), СПб., 1910, с.143, 144.

⁷ Там же, Приложение, 38.

18 декабря 1834 г. духовно-гражданская миссия прибыла в Вилейку (Минская губерния) для обращения местных униатов, количеством более 2000 человек, но «это начинание осталось без успеха». Миссионеры уехали ни с чем. Тогда по поручению минского губернатора за угрозы взялся вилейский городничий Дьяконский. Разозленный их безрезультатностью, он 27 декабря вместе с полицией ворвался в вилейскую униатскую церковь, разогнал прихожан, забрал ключ. Церковь он передал российским военным, которые квартировали в городе. Они перенесли в нее гарнизонное богослужение.

Насилие и незаконность этого наскока произвели «вредное впечатление ... на умы местных жителей». А тут еще униатский священник Савицкий начал решительно противодействовать оправославливанию своей паствы. Поступок городничего был осужден в Вильно и Петербурге. Даже литовский епископ Иосиф Семашко просил вернуть униатам Вилейки их церковь.

Чтобы прикрыть свое возмутительное беззаконие, минский губернатор и вилейский городничий потребовали официальной передачи церкви в православное ведомство. Для этого необходимо было создать иллюзию добровольного желания вилейцев бросить унию. В ход пошли полиция и ... водка. «Разве что несколько пьяниц по сильному наговору местного городничего на это согласились, – доносил местный благочинный, – уже потом, и то силой, солдаты с заседателем, разъезжая по деревням, загоняли народ в Вилейку, где с них, напоив водкой, взяли подписку от 150 человек...». Савицкого, «чтобы он не подстрекал народ» к отпадению от православия, под конвоем солдат удалили из города.

В марте 1835 г. императору доложили, что жители Вилейки и тамошнего казенного староства «по высказанному им желанию вернулись из унии в православие ... и к утверждению их в оном приняты надлежащие меры». «Слава Богу!» – собственноручно написал Николай I на том рапорте. Но спустя месяц благочинный сообщал, что «вилейских прихожан и до сих пор гонят постепенно при помощи солдат к исповеди»⁸.

Защита униатами своей веры отождествлялась властями с народным бунтом. Волнения в униатских приходах старались погасить «вразумлениями» крестьян и горожан духовенством, земскими чиновниками, губернатором. В ход шли запугивания и угрозы, материальные на-

⁸ Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург, ф. 797, оп. 6, д. 22974, л. 1-1 об., 7-8, 11-11 об., 14, 29 об., 31 об.

казания, тюремное заточение. Если это не помогало, сопротивление униатов ломали с помощью полиции и войска.

На защиту унии выступила шляхта – люди образованные, социально активные, наиболее оппозиционное тогда сословие. Доля шляхты среди униатского населения востока Беларуси была большей, чем на западе. Это один из факторов, обусловивших большую силу и масштабность антивоссоединительного движения в Белорусской епархии как по количеству борцов, так и по участию в нем людей талантливых и влиятельных⁹. Тон задавали влиятельные помещики со связями, которые «имели больше силы и средств для упорства». Они тайно стимулировали и поддерживали крестьян, горожан и духовенство в их сопротивлении политике деунификации; формированием соответствующей общественной мысли, разными льготами укрепляли их в своей вере.

Сопротивление «воссоединению» униатов имело характер множества стихийных локальных раздробленных выступлений, которые вспыхивали то здесь, то там, и также по отдельности подавлялись местными властями. Те волнения не слились в единое цельное управляемое движение – только в таком случае они могли рассчитывать на какой-то успех. Однако совсем реальной была возможность организованного сопротивления, возглавленного шляхтой. В 1834–1838 г. неоднократно предпринимались попытки координации антивоссоединительного движения в пределах уездов, губерний, даже всей Беларуси и Великого княжества Литовского. Первая из них исходила от шляхты Витебской губернии.

Возмущенная действиями полоцкого епископа Смарагда, витебская шляхта, собравшись в декабре 1834 г. в губернский город на свой съезд для выборов в органы дворянского самоуправления, приняла обращение к Николаю I с жалобой на принуждение униатов к переходу в православие. Размноженный в копиях, этот акт «загулял» по Беларуси¹⁰. Его распространению по Минской губернии содействовал губернский предводитель дворянства Ошторп¹¹.

Главным «противником благодетельных видов правительства» в униатском вопросе был лидер полоцкой шляхты – полоцкий уездный

⁹ Г. Я. Киприанович, Жизнь Иосифа Семашки, митрополита литовского и виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г., Вильна, 1893, с. 126.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации, г. Москва, ф. 109, IV экспедиция, 1835 год, д. 83, л. 3–29.

¹¹ Там же, д. 254, л. 5–5 об., 12, 13.

предводитель дворянства Людвиг Беликович. Это он организовал написание и подачу витебским дворянством жалобы-протеста императору. Влияние Беликовича достигало Минска и Вильни. Здесь он имел единомышленников: графа Константина Тышкевича, барона Корфа, Ромера, Шумского – «соучастников вредных в политическом отношении совещаний»¹², как проходят они по документам корпуса жандармов. Бунтующую шляхту усмиряли судами, секвестрами имений, депортацией.

Вызванное миссионерско-полицейскими «частными обращениями» мощное движение сопротивления вынудило правительство пересмотреть свою тактику. Отказавшись от неспособных полностью решить униатский вопрос «частных обращений», оно взяло курс на сближение униатской церкви с православной путем реформирования – ее внутренней и внешней трансформации в обрядовой, иерархической и юрисдикционной сферах. С 1834 г. начался новый этап в суровой последовательности ликвидации униатской церкви – восстановление в церкви восточного обряда, введение московских богослужебных книг, установление иконостасов и уничтожение униатской атрибутики. Аргументами о латинизации и полонизации униатской церкви стремились подорвать доверие к ней народа. Духовенство было поставлено перед необходимостью лавировать между верностью унии и давлением властей.

Сначала приходское духовенство бойкотировало обрядовые нововведения и реорганизацию церковного интерьера. «Почти нигде и ни в чем исполнения (постановления от 7 февраля 1834 г. о реформировании униатской церкви) не видно, но, наоборот, оказываются во многих местах непорядки и противоречащие закону поступки», – констатировал в том же 1834 г. белорусский генерал-губернатор Хованский¹³. В 1835 г. полоцкий епископ Смарагд сообщал о пренебрежении восточной обрядностью и насмешками на новым постановлением витебского духовенства, неисполнении его могилевским клиром¹⁴. «Чем более озабочиваюсь я устройством в Белорусской епархии греко-униатских церквей по правилам греко-восточной церкви, столько не менее встречаю к тому препятствий», – писал он тогда же виленскому генерал-губернатору Долгорукому в связи с сопротивлением духовенства Минской гу-

¹² Там же, л. 1–1 об., 2 об.–3.

¹³ Национальный исторический архив Беларуси, г. Минск, ф. 1297, оп. 1, д. 7815, л. 21.

¹⁴ Там же, л. 95, 96 об.–99.

бернии¹⁵. В Белорусской епархии, по мнению В.Ленцика, эта реформа натолкнулась на более мощную оппозицию¹⁶. Остро отреагировал на изменения клир Литовской епархии. Реакция униатов на изменения во многом определялась позицией священника. Люди слушали его, если он сознательно и добровольно принимал православие и убеждал их в необходимости изменений в храме, в форме и содержании богослужения, при условии, если не были с ним в конфликте. Но прихожане оппозиционно настроенного священника бурно реагировали на всякие попытки слома культурно-религиозной традиции.

Из-за сопротивления затянулись замена богослужебных книг, введение иконостасов, уничтожение органов. Тогда священников обязали дать расписки об ответственности за переоборудование храмов, что они и вынуждены были сделать, но под разными предлогами (бедность фундушей, отсутствие церковных денег, собственная старость и болезни), при содействии местных благочинных, уклонялись от сооружения иконостасов, не давали уничтожать лавки, органы, скульптуру. С помощью чиновников и полиции местные власти «понуждали» священников, прихожан, помещиков переоборудовать свои церкви и богослужение в них в соответствии с требованиями реформы. Средства брали с церковной кассы, заставляли раскошеляться шляхту, устанавливали специальные налоги на крестьян. Способом слома непокорных духовных были эпитимия в Жировичском монастыре, содержание там в голоде и холоде, понижение в должности, лишение прихода. Наиболее упорных выслали в российские губернии.

В 1837 г. помещика Клавдия Мирского выслали в Вятку за то, что не позволил уничтожать прежнее церковное оборудование, предметы культа и не отдал ключи от Узменской церкви (Дисненский уезд) новым хозяевам¹⁷. Судебная ответственность нависла над Белковичем, который отказался выделить средства на переоборудование униатской церкви в своем имении Латыголичи в Борисовском уезде Минской губернии. Когда на местное панство не подействовали никакие убеждения, губернатор пустил в ход полицию. Оскорбленный таким поворотом дела, Беликович подал в сентябре 1837 г. жалобу в Сенат на не-

¹⁵ Там же, ф. 3245, оп. 2, д. 370, л. 39.

¹⁶ W.Lencyk, *The Eastern Catholic Church and Czar Nicholas I*, Romae-New York, 1966, с. 63.

¹⁷ Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург, ф. 797, оп. 7, д. 23161, л. 8 об., 43–43 об., 48–48 об.

справедливое принуждение его местным начальством. Однако его отказ и жалобу расценили там как пример и стимул для других дворян к непокорности и сопротивлению¹⁸.

Смутила духовенство и взбудоражила народ конфискация униатских книг и замена их московскими зданиями. Церковный деятель и историк А.Мартос утверждает, что именно этот элемент реформы вызвал наибольшее сопротивление духовенства¹⁹. С мест поступали коллективные протесты против введения новых служебников. В 1834 г. такой протест подали Семашке 57 священников Новогрудчины²⁰. Многие из приходских священников, как писал в 1836 г. оршанский епископ Василий (Лужинский), тогда «дерзко обращались с неуместными заявлениями в Белорусскую консисторию против этих служебников»²¹.

Большие нарекания в светских и духовных кругах Беларуси вызвала акция уничтожения органов. Почти все духовенство Витебской губернии «не только не искореняло ... чужой восточной церкви обычай, но и подкрепляла его обзаведением новыми музыкальными инструментами». Тогда генерал-губернатор Хованский потребовал от Белорусской консистории музыку в храмах запретить, а неслухов – наказать²².

В Литовской епархии одним из наибольших противников уничтожения органов являлся приходской священник из местечка Кузница (Белостокская область) Иосиф Коялович – отец небезызвестного исследователя церковной унии и ее противника Михаила Кояловича. Вопрос о том, как заставить настоятеля Кузницкой церкви уничтожить орган, многократно рассматривался на заседании Литовской греко-униатской консистории и был предметом интенсивной переписки между Бельском, Жировичами и Петербургом. Разговор шел о привлечении священника, непослушного воле начальства, к суду, «понууждении» полицией²³.

¹⁸ Там же, д. 23236, л. 5, 22 об., 25.

¹⁹ А.Мартос, Беларусь в исторической государственной и церковной жизни, Минск, 1990, с. 222.

²⁰ Национальный исторический архив Беларуси, г. Минск, ф. 1297, оп. 1, д. 7815, л. 117.

²¹ Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург, ф. 797, оп. 6, д. 23015, л. 21 об.

²² Национальный исторический архив Беларуси, г. Минск, ф. 1297, оп. 1, д. 7815, л. 47–47 об.

²³ Литовский государственный исторический архив, г. Вильнюс, ф. 605, оп. 1, д. 2485, л. 150,

А вот как прощались с органом жители Супрасля. Перед его разборкой церковь, открытую днем и ночью, заполняла толпа людей. Непрерывно играли на органе. Спустя несколько дней народ крестом лежал в храме. По церкви и монастырскому двору разносилась песня, которую люди в последний раз пели в сопровождении органа²⁴.

Лишение белорусских униатов величественной органной музыки, созвучной настроению богослужения, стало одной из тех ошибок «воссоединения», которые склонили часть населения к переходу в римо-католицизм.

Маховик присоединений между тем раскручивался все сильнее. 1 января 1837 г. униатская церковь была подчинена обер-прокурору Синода. Этот означало ее скорый финал. Населению было доведено, что политику деунизации проводит правительство. Раньше сопротивлялись своему униатскому начальству, теперь же любой протест рассматривался как сопротивление правительству.

В том же 1837 г. литовский епископ Иосиф инициировал подписание духовенством формального акта согласия присоединиться к русской православной церкви, когда на то «последует высочайшая воля». Это должно было создать иллюзию добровольности присоединения. Кроме того, Семашко планировал продемонстрировать правительству полное единодушие белорусского духовенства в его желании отречься от унии.

Сбор расписок велся более года индивидуальным способом, чтобы легче было воздействовать на священников, большинство которых сначала отказались подписаться «на измену греко-униатского нашего исповедания, которого догматы не только природой, но даже и клятвой обязаны суть сохранять цело и нерушимо до конца жизни нашей»²⁵. Одни открыто возмущались, другие, придумывая разные причины, уклонялись. Тогда в ход пошли угрозы, шантаж, принуждение.

Против «отказников» начались репрессии. Запуганные их судьбой, связанные семьей, не имея ниоткуда и никакой поддержки, оказавшись один на один со своим епископом-изменником, священники ломались и «добровольно» давали вымогателям свою подписку. Было собрано 1305 расписок. 593 смелые священники и монахи, не смотря на

²⁴ Н. Далматов, Супрасльский благовещенский монастырь. Историко-статистическое описание, СПб., 1892, с. 415.

²⁵ Национальный исторический архив Беларуси, г. Минск, ф. 1297, оп. 1, д. 11116, л. 145–146 об.

угрозы, отказались их дать²⁶. Из 170 базилиан Литовской провинции расписки дали только 66²⁷. Все «отказники» были заключены в монастырские тюрьмы Беларуси и Украины или депортированы вглубь России.

Крупный сбой в подписной кампании произошел в августе 1838 г. в Литовской епархии, где крупным центром оппозиции уничтожению унии стала Белостокская область. Здесь действовало 49 униатских церквей. Когда брестский епископ Антоний (Зубко) стал собирать здесь подписки, пошли массовые отказы. Почти все они пришлись на Бельское благочиние. Здесь дали подписки только 12 человек, 22 – отказались.

Душой оппозиции были протоиерей из Клещель Антоний Сосновский – человек высокообразованный и уважаемый духовенством, а также священники Фаустин Говорский из Чижева и Антоний Паньковский из Новоберезова. Они от имени 15 священников подали шефу жандармов Бенкендорфу просьбу на имя царя, в которой обвиняли местные духовные и светские власти в нарушении действующего законодательства, гарантировавшего свободу униатской веры.

Лишенные приходов и упрятанные в Тороканский монастырь, Говорский и Паньковский под видом болезни покинули монастырь и организовали в своих приходах крупные антивоссоединительные волнения. Для усмирения взбунтовавшихся крестьян в Чижев и Новоберезов были введены воинские команды²⁸.

Обращение 15-ти белостокских попов вызвало большую тревогу в Петербурге, усилило опасение за будущий успех униатского «дела». Правительство пыталось убедить мир, что все делается с доброй воли униатов, а здесь это заявление. Царь приказал всех, кто подписался под петицией, убрать с приходов, а некоторых – и выслать в российские губернии. Чтобы не быть высланными, преследуемые священники подписали декларацию о согласии принять православие.

Громом среди ясного неба прилетало в столицу империи известие об антивоссоединительном демарше 111 попов Белой Руси (восточной Беларуси). Собираемое по 20–30 человек в Полоцк для обучения новым

²⁶ H. Dylągowa, *Dzieje Unii Brzeskiej (1596–1918)*, Warszawa–Olsztyn, 1996, с. 89.

²⁷ П. Д. Извеков, *Исторический очерк состояния православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 г.*, Москва, 1899, с. 236.

²⁸ Литовский государственный исторический архив, г. Вильнюс, ф. 378, 1838 год, общий отдел, д. 1383.

обрядам, оппозиционное духовенство составило «партию». На протяжении почти всего 1838 г. противники «воссоединения» проводили здесь свои совещания, на которых и был выработан план действий.

В середине сентября в деревню Церковно (Дриссенский повет Витебской губернии) сошлись и съехались десятки священников. Они провели здесь несанкционированное собрание, на котором решили стоять за унию, а затем шествие с участием большого количества людей. Организаторами этой акции протеста были ассессор Полоцкой (Белорусской) греко-униатской консистории Иван Игнатович и Адам Томковид. Игнатович обратился с проповедью к народу с проповедью, в которой призывал, «чтобы твердо держались своей униатской веры». Церковлянское собрание выработало петицию-просьбу к императору о защите и помощи.

Для разбора «дела 111-ти» Николай I поручил литовскому епископу лично ехать в Полоцк, чтобы там «вникнуть в действительные причины этого беспорядка, принять меры по исправлению онаго»²⁹. Все участники церковлянского собрания и петиции на царское имя были наказаны.

Церковлянская акция протеста, вероятно, ускорила санкцию официального Петербурга на всеобщую конверсию униатов, ибо реализацию «благотельных видов правительства» она ставила под серьезную угрозу. Это был последний радикальный шаг в сопротивлении духовенства. Далее уже шли, главным образом, репрессии. Репрессии, призванные обеспечить успех униатского «дела» на последнем его этапе: преследование, аресты, депортация, высылка, тюремное заключение. Непосредственная подготовка к ликвидации униатской церкви осуществлялась параллельно с «зачисткой» религиозного поля Беларуси.

Униатская церковь оказалась не в состоянии противостоять катастрофе 1839 года. Одним росчерком императорского пера 1,5 миллиона верующих и около 1470 приходов были изъяты из-под власти папы римского и включены в состав Русской православной церкви. Их желание присоединиться к господствующей вере совсем не считалось обязательным условием обращения. Беларусь в своей истории еще не знала такой масштабной одновременной и радикальной перекройки ее конфессиональной карты.

²⁹ Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург, ф. 797, оп. 7, д. 23446, л. 32, 39, 43, 61, 138 б., 156.

Акт Полоцкого церковного собора 12 февраля 1839 г. несколько месяцев прятали от народа – всерьез ожидали взрыва волнений. Чтобы их предупредить, на Беларусь вызвали дополнительную военную силу – 29-й казачий полк, который шел с Финляндии на Дон. Полк разместили сотнями во взрывоопасных населенных пунктах Витебской, Минской и могилевской губерний.

Обнародование соборного акта прошло спокойно...

PASIPRIEŠINIMAS UNIJOS PANAIKINIMUI BALTARUSIJOJE 1834–1838 m.

Svetlana Morozova

Santrauka

Įvairių baltarusių visuomenės sluoksnių pasipriešinimo unitų tradicijų naikinimui istorija mažai žinoma. Tikslas panaikinti uniją labai paveikė visuomenę ir sukėlė tam didžiulį pasipriešinimą. Judėjimas apėmė visą Baltarusiją, ypač aktyviai ir organizuotai veikė Rytų Baltarusijoje dvasininkai, bajorai, valstiečiai. Koordinuoti pasipriešinimo judėjimą ėmėsi Polocko dvasininkų atstovas Belikovičius; jo įtaka pasiekė Minską ir Vilnių.

Pasipriešinimas vyko įvairiais būdais – buvo boikotuojamos naujovės, jėga gimanos savos sakralinės relikvijos, nepriimami nauji valdininkai, rašomi kolektyviniai protestai, apeliacijos caro vardu. Beveik trečdalis Baltarusijos dvasininkų atsisakė pasirašyti sutikimą priimti stačiatikybę. Ryžtingas pasipriešinimo žingsnis buvo dvasininkų susirinkimas ir peticija Nikolajaus I vardu, kur buvo prašoma juos apginti ir jiems padėti; peticiją pasirašė 111 dvasininkų.

Kitaip mąstantieji ir nepaklusnieji susilaukdavo represijų. Bažnyčios nutarimo viešas paskelbimas buvo atidėtas, kol į Baltarusiją atvyks specialiai išskviesti papildomi kariniai daliniai – buvo bijomasi maišto protrūkio.

OPPOSITION TO THE LIQUIDATION OF THE UNIATE CHURCH IN BELARUS IN 1834-1838

Svetlana Morozova

Summary

The history of the resistance in different layers of Belarusian society to the suppression of the union tradition is a little-known page of history. The liquidation of the Uniate church threw society into a shock condition and led to the creation of a wide-scale movement against the forced union. It captured the whole Belarus, but had a more active and organized character in the east. Its social base consisted of the clergy, gentry, and peasantry. The fiercest fighters were the priests who in turn led the peasantry. The leader of Polotsk nobility, Belikovitch, who had influence from Minsk to Vilnius, undertook the coordination of the resistance movement.

The resistance to the deunization was expressed in different forms:

from the boycott of cult innovations to the protection of sacral relics, by the exile of commissions, the refusal to accept new church books, the submission of collective protests, appeals to the czar.

The replacement of books, the introduction of new icons, the abolishment of organs were delayed by the resistance. Almost a third of the clergy in Belarus refused to begin a subscription for accepting Orthodoxy. The meeting in the Cerkovno village and the request-petition addressed to Nicholas II by 111 priests asking for protection and help were the last radical steps in the resistance of the clergy.